

жим доступа: <http://kultinfo.com/novosti/1751/> (дата обращения: 16.10.2019).

2. Литературные итоги 2014 года. Часть 1 // Литература. № 141 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://litteratura.org/issue_publicism/759-literaturnye-itogi-2014-goda-chast-i.html (дата обращения: 16.10.2019).

3. Ната Сучкова крупным планом: статьи, отклики: методическое пособие для библиотек / сост. Г. Щекина. – Вологда: Свеча, 2002. – Вып. 5. – 88 с.

4. Ната Сучкова: «Люди специально доводят себя до истерики, это в природе поэта» [Электронный ресурс] // Программа «Нейтральная территория. Позиция 201» с Натой Сучковой. Беседу ведет Леонид Костюков. – Режим доступа: https://polit.ru/article/2010/07/02/nt201_suchkova/ (дата обращения: 16.10.2019).

5. Пермяков, А. Без архаистов и новаторов [Электронный ресурс] / Андрей Пермяков // Арнон. – 2016. – № 1. – Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/arion/2016/1/bez-arhaistov-i-novatorov.html> (дата обращения: 16.10.2019).

6. Публикации Наты Сучковой в ЖЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/authors/s/nata-suchkova> (дата обращения: 16.10.2019).

7. Сучкова, Н. 10 лучших стихотворений 2016 года по версии Наты Сучковой [Электронный ресурс] / Н. Сучкова // Prosodia. – 2017. – № 6. – Режим доступа: <https://prosodia.sfedu.ru/?p=2195> (дата обращения: 16.10.2019).

8. Сучкова, Н. Соль вещей. Беседу вела Е. Погорелая // Вопросы литературы. – 2017. – № 4. – С. 135–153.

9. Сучкова, Н. Пять Поэм / Наталья Сучкова. – Вологда: Dragonfly, 1998.

10. Шайтанов, И. И все-таки – двадцать первый... (Поэзия в ситуации пост-пост-модерна) / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2011. – № 4. – С. 9–43.

11. Щекина, Галина. Ранняя Ната. Становление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2019/07/31/970> (дата обращения: 16.10.2019).

L.V. Yegorova

ON NATA SUCHKOVA

Review of publications and books by Nata Suchkova, a contemporary poet from Vologda, and publications on her and her works.

Contemporary poetry, Nata Suchkova, Vologda.

УДК 821.161.1(470.12)

Н.М. Мелёхина
прозаик, журналист (Вологда)

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ НАТЫ СУЧКОВОЙ «ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА»

Автор статьи исследует вопрос о том, какую роль в современном литературном процессе сыграла книга «Деревенская проза» поэтессы Наты Сучковой, и размышляет о литературе провинции.

Современная поэзия, деревенская проза, лирический герой, провинциализм, централизация, Ната Сучкова, Вологда.

Проанализировав тенденции современной литературы, профессор, доктор филологических наук В.Н. Шапошников отметил: «Современная литература есть литература городского аспекта и пафоса. Впечатления о деревне имеющиеся нечастые – дачные, сторонние. Они по сути тоже городские. И просторечие – это речь города» [4].

Подавляющее число прозаиков и поэтов, если и обращаются к теме деревни, то совсем не знают села и черпают вдохновение либо из дачных переживаний, либо из сборников времен Николая Рубцова, Виктора Коротаява, но дело в том, что с 60–70-х годов прошлого века сельская жизнь кардинально изменилась. Нынешняя деревня – это либо бескрайние поля без единой избы, либо поселок городского типа, где успешно

торгует типовой мини-маркет. И вместе с реалиями изменилось и самосознание деревенских жителей.

Поэтам, особенно чутким к «движению души», все реже удается поймать нефальшивую ноту при обращении к теме деревни. Как показывают тексты, авторы, особенно жители мегаполисов, отделены от своих же персонажей и художественных образов тонким стеклом городского менталитета: они видят деревенскую жизнь, но не чувствуют ее, остаются сторонними наблюдателями, а без искреннего сочувствия поэзия либо скучна, либо лжива. На этом фоне сборник «Деревенская проза» воспринимается по-особому. Прежде всего, он возвращает в литературу тему деревни, но не в традиционной подаче почвенников, а на новом витке развития.

Поэтесса знает тот мир, о котором пишет. Ощущает себя частью «Деревенской прозы». Лирический герой Наты Сучковой – не сторонний наблюдатель, он «соучастник». Книга похожа на мозаичное панно, составленное из картинок-стеклышек жизни в провинции. Мини-сюжеты актуальны и правдивы. Как ясно из стихотворения «Утоли пепси-кола его печаль», деревенские жители пьют вовсе не медовую бражку, потерявшую свою крепость еще в былинное время Белова и Шукшина. Мальчишки и девчонки бегают не в ночное (некоторые современные деревенские ребятишки лошадей и в глаза-то не видывали, как и их городские сверстники), а в ближайшие березки, «в которых девчонки курят, / в которых мальчишки пьют».

Показывая сиюминутные изменения в сельской жизни, поэтесса не забывает о вечных приметах провинциального, в том числе деревенского, бытия. Ее лирический герой постоянно балансирует на грани бинарной оппозиции «миг – вечность». Жизнь деревенской молодежи по внешним признакам сейчас мало отличается от жизни городских сверстников: парни и девушки сидят в Интернете, смотрят «Сумерки», наряжаются в готов и эмо и т.д. Однако, как ни рядись, в деревне по-прежнему природа берет верх над человеком. Меняется мода, поколения и их увлечения, но менталитет и климат, который отчасти этот менталитет и сформировал, остаются все теми же:

*Такой мороз, что, коль придёт охота,
он каждого раскрасит и прищучит:
у юношей, расписанных под готов,
матрешечные розовые щечки.*

Эти простые на первый взгляд строки дают толчок для более глубоких размышлений: можно сколько угодно лакировать российскую действительность под требования космополитичной современности, но как ни гримируйся и ни «лакируйся», все равно сквозь наносные слои проступят «матрешечные розовые щечки», стоит только русскому морозу «прищучить» как следует. Вечное побеждает сиюминутное, вологодский парень из глубинки останется вологжанином и в косоворотке, и в приталенном пиджаке европейского кроя по последнему писклу моды.

Поэтесса находит в неприглядной исконно-посконной деревенской прозе великую поэзию бытия. Очень показательно в этом отношении следующее стихотворение:

*Стоят, сполна всего помыкав
среди затоновской шпаны,
у бара «Золотая рыбка»,
торжественные, как волхвы,
чернее угря Вася-Череп,
белее моли Вася-Хан,
стоят в рождественский сочельник,
фанфурик делят пополам.
И мимо них – куда им деться?
не раствориться никуда –
везут на саночках младенца,
и загорается звезда.*

Соотношение низменной картины – алкашей, которые «фанфурик делят пополам», и антуража святого праздника – неожиданно облагораживает персонажей стиха и возвращает нас к истокам христианской морали, когда Спаситель на вопрос, почему он обращается к мытарям и блудницам, отвечает: «Не здоровым нужен врач, но больным».

Есть почитатели творчества поэтессы, которые сравнивают это стихотворение с рождественским циклом Иосифа Бродского. Но сравнение не вполне удачное: в стихотворениях Бродского евангельский миф творится ровно так, как сказано о нем в Библии, и именно эстетика евангельского контекста, через века утратившая национальный колорит, ставшая достоянием всего мира, волнует поэта больше всего. Для Наты Сучковой, напротив, миф в его библейской первозданности вторичен, а на первый план выходит именно русская провинциальная действительность начала XXI века. Образно говоря, лирический герой Бродского вместе с волхвами преклонил колена у колыбели Спасителя, а лирический герой Наты Сучковой стоит у сельмага в захолустном городишке, но это нисколько не принижает поэтический образ. Рождество везде и всегда одно и то же, святой праздник наступает для всех и всюду. Парадоксальным образом для грешников-«бражников» из безымянного райцентра таинство и свершается в первую очередь, ведь Христос для того «в тленную плоть оболкийся», чтобы искупить грехи людского рода. Это отношение сформировано совершенно в русле христианской морали в русской ее традиции, когда пьяниц, с одной стороны, считают грешниками, а с другой – заранее их прощают, так как нет такой русской семьи, где не было бы своего «бражника».

Если говорить о литературных корнях, то, скорее, поэтесса наследует опыт минувших поколений поэтов-земляков, а именно «деревенщиков». Старики в произведениях почвенников – это всегда оплот мудрости, но не книжной, а от земли. И Сучкова совершенно в этом русле заканчивает стихотворение «Баба Маня»: «А мы сидим в своих высших / и только глазами хлопам». То есть мы со всеми своими вузами никогда не превзойдем необразованных деревенских стариков с их мудростью «от корней». Такая вот ставшая хрестоматийной для «почвенников» мысль.

Обратим внимание и на образ старика из стихотворения «Этот дед он елку не наряжает». Таких «дедов» в литературе «деревенщиков» (как в прозе, так и в поэзии), десятки. Эти персонажи традиционно одиноки, нелюдимы, сосредоточены на диалоге с природой и животным миром и тоже, как баба Маня, претендуют на мудрость «от земли». У Рубцова это, например, «Добрый Филя»:

*Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!*

*Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
- Филя, что молчаливый?
- А о чем говорить?*

У Наты Сучковой:

*Разве только собака – и визирь, и советник,
и тепло живое, и благодать,
понимает, просто не может ответить,
для кого тут ёлку-то наряжать?*

Как Филя молчит, сосредоточенный и созерцательный, так и дед у Наты Сучковой общается с миром на духовном, невербальном уровне, кроме того, совсем, как Филя, он ощущает себя всего лишь малой частью мироздания.

Интересно, что вологодские поэты нового поколения сами эту связь с предшественниками (Рубцовым, Фокиной, Груздевой, Коротаевым и другими) либо не осознают, либо не хотят осознавать принципиально – из-за того имиджа, который сформировался у направления почвенников. Лучше всего об этом пишет поэтесса из Вологды Наталья Усанова: «В том поколении вологжан, к коему отношусь я, с детства воспитали стойкое отвращение к традиционной российской культуре и к авторам, выросшим на ее почве. Неприятие подготавливалось всей закостенелой системой образования и культуры. На всех праздниках извечно мелькали в тему и не в тему напаянные народные костюмы, песни в деревенском стиле, пляски а-ля рюс. Только сейчас я начинаю понимать, что во всей этой паскудной показухе от подлинной народности была одна форма, а содержания не было. До содержания этого копать и копать» [1].

Автор предполагает, а история располагает: поэт нового поколения может относиться к творчеству предшественников как душе будет угодно: любить, ненавидеть или даже оставаться равнодушным, вот только полностью игнорировать чужой опыт не получится ни у кого. Когда автор берет чистый лист бумаги, на этом листе уже записана вся история литературы, включая творческое наследие «деревенщиков», которые, так уж сложилось, преимущественно были либо сибиряками, либо вологжанами. Ната Сучкова представила читателям свою версию «деревенской прозы», но эта версия основана не на пустом месте и уж точно не на эстетических изысканиях Бродского, бесконечно далекого от жизни вологодских райцентров. Корни этой поэзии следует искать как раз в «традиционной российской культуре». Для примера возьмем более позднее стихотворение Наты Сучковой:

*Хорошо да сладко спати, не бояся мертвых,
в старом бабкином халате на грудях протёртом.*

*Никого не узнавати, точно знать, наверно,
в новом матушкином платье, что твоя царевна.*

*В одеяльце тонкой байки спать да спать укрывшись,
в тятькиной лянлялой майке с лопнувшей подмышкой.*

Мало кто из современных городских читателей (если у них нет специального филологического, этнографического и т.п. образования) понимает, что речь в стихотворении идет о старинном обряде деревень Русского Севера. Новорожденных пеленали в одежду старших членов семьи: по поверью, таким образом

младенцу передавалась сила, здоровье и красота его предков. Малышка может «сладко спати, не бояся мертвых», потому что ее защищает весь род от умерших пращуров до ныне живущих членов семьи. Таких «культурных кодов», понятных деревенским жителям и знатокам традиционной культуры, в поэзии Сучковой немало.

Еще один пример:

*Как круглей всего земля с северу,
Как наелися теля клеверу,
Не мычат, а голоса-охают,
Точно в каждом с порося облако!
Бабы ахали себе в подойники,
Зоотехников зовя и угодников.
Ну а к вечеру пришел недотыкомка,
Проколол пуза телям вилкою –
Кольхались по задворкам простыни,
Выходил дух звонким шипом-посвистом.
И стоят теперь теля на лугу,
Каждый – с дырочкою в левом боку.*

Немногие из горожан поймут, какие деревенские реалии описаны в стихотворении. В тексте они кажутся сказкой, на самом деле речь идет о выпасе телят на первом урожае клевера. Молодые животные часто объедаются лакомством – свежей травой, и вздувшиеся животы протыкают специальным устройством, после чего воздух действительно выходит со «звонким шипом-посвистом». Считается, что такое несчастье случается с телятами по вине нечистой силы. В народной поэзии есть заговоры для борьбы с такими случаями, и стихотворение «Как наелися теля клеверу» неразрывно связано с традиционной деревенской культурой.

На вопрос, почему в современной литературе мало желающих вести подобные «раскопки», помимо пояснений Натальи Усановой, можно дать и еще один вариант ответа. Профессор, доктор филологических наук Игорь Шайтанов пишет, цитируя О. Мандельштама: «В России веками пафос культуры был пафосом собирания, централизации. Провинциализм – знаком отпадения и даже выпадения из культуры. Об этом свидетельствует русская классическая литература, либо суровая к провинциальной жизни, либо ее мало замечавшая. Были исключения, но, в основном, не среди писателей первого ряда, по давно установленной формуле, составляющих традицию от Пушкина до Блока. Правда, XX век начался бунтом: “Собирательная природа Блока, его стремление к централизации стиха и языка напоминают государственное чутье исторических московских деятелей... Футуризм весь в провинциализмах, в фольклорной и этнографической разноголосице”» [3, с. 41–42].

В XXI веке информационных технологий и тотальной глобализации эта исторически обусловленная тенденция усилилась до максимума. В самом сознании авторов и их читателей живут установки, воспитанные веками: к примеру, гораздо «престижнее» для поэта сравнение с Бродским или Гумилевым, чем – с Рубцовым. И дело тут вовсе не в значении творческого наследия этих поэтов, дело в том, что «провинциализм – знак отпадения и даже выпадения из культу-

ры». Сама тема – деревня, сельская жизнь, природа, традиционная народная культура – дискредитирована и в глазах общества, и в литературном пространстве. «Исконно-посконное» – это нечто немодное, смешное и неинтересное. Кроме того, после эпохи «деревенщиков» это еще и предмет для политических спекуляций, инструмент манипулирования общественным мнением.

В сложившейся ситуации для автора легче и проще писать на «темы из мегаполиса» (тем более, что они гораздо более знакомы, чем провинциальное бытие). Это позволит проникнуться «пафосом централизации» и стать сопричастным, с одной стороны, к той самой «классической литературе, либо суровой к провинциальной жизни, либо мало ее замечавшей». Это гарантирует понимание со стороны просвещенной читательской аудитории, считающей провинцию чем-то, что не заслуживает особого внимания. То есть, чтобы стать «писателем первого ряда», надо жить в столице, мыслить, как столичный житель и творить, как гражданин России, а в наши дни еще лучше, как гражданин мира. Так думают, конечно, не все, но это распространенное клише стало почти архетипом русского менталитета. Эта установка существует в подсознании не отдельных людей, а целого народа.

«Деревенская проза» – счастливое исключение из правил. Эту книгу приняли и земляки поэтессы, включая жителей сел и райцентров, и столичные интеллектуалы. Сборник получил ряд наград на престижных конкурсах и премиях, включая Международную Волошинскую, Малую Бунинскую, «Московский счет».

Кроме Наты Сучковой, есть и другие авторы, считающие провинцию равновеликой центру, но это в основном прозаики. Например, представители направления «Северная проза» карельские писатели Дмитрий Новиков, Ирина Мамаева, Алексей Бушковский, Яна Жемойтелите, а также сибиряки Михаил Тарковский, Андрей Антипин и некоторые другие смельчаки, бесконечно влюбленные в жизнь российской глубинки.

Из поэтов – автор из Мурманска Екатерина Яковлева. Многие ее стихи вдохновлены деревенской жизнью в Вологодской области. В деревне Аристово (Шекснинский район) жила бабушка Екатерины – Александра Александровна Михеева (Аввакумова). Именно ей посвящена дебютная книга «Дай мне целое» и самое сильное стихотворение из нее «Клевер», часто цитируемое критиками.

Стихи молодого автора на первый взгляд кажутся очень простыми, даже безыскусными, а их мотивы – давно известными в северной поэзии. Однако этот

«первый взгляд» иллюзорен. Когда вчитываешься в тексты Екатерины, становится понятно, что простота в них хорошо продумана, а традиционные мотивы присутствуют, но поданы они на новом витке развития, осмыслены с позиций поэта нового поколения. Ее стихотворения, как и «Деревенская проза» Наты Сучковой, удивительно актуальны здесь и сейчас.

Эту особенность творчества Екатерины Яковлевой подмечали не раз. К примеру, поэт Василий Казанцев, лауреат Государственной премии России, автор предисловия к книге «Дай мне целое», считает: «Нетрудно предположить, что некоторые из помещенных в этом сборнике стихов вызовут поверхностную критику: дескать, все это нам уже знакомо, все это – устаревшие мотивы. Вот взять, к примеру, стихотворение “Гриня”. Да, тема “деревенских дурачков”, поднятая в нем, наиболее активно разрабатывалась в русской литературе в шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века. Однако это не значит, что больше к ней возвращаться не имеет смысла. “Дурачки” никуда не делись. Екатерина по-новому осветила это явление нашей жизни. И, на мой взгляд, получилось у нее это хорошо» [5].

Ната Сучкова, как и некоторые другие авторы наших дней, возвращает деревню в мир художественных произведений. Сборник «Деревенская проза» остается – уже на протяжении восьми лет с момента издания – ярким явлением не только в литературе, но и в жизни российского общества. Он меняет отношение к провинции, показывает, что не бывает «второсортных» тем и глубинка – это не «знак отпадения», это иная культура, до содержания которой расти и расти авторам нового поколения.

Литература

1. Мелехина, Н.М. Классики и современники [Электронный ресурс] / Н.М. Мелехина. – Режим доступа: <https://sasha-bjalik2.livejournal.com/1554.html>
2. Сучкова, Ната. Деревенская проза / Ната Сучкова. – Москва: Воймега, 2011. – 76 с.
3. Шайтанов, И.О. Что такое культура провинции? / И.О. Шайтанов // Вологодские пенаты, или Пятая Вологда / авт.-сост.: Н.С. Серова, И.О. Шайтанов. – Вологда: Книжное наследие; Череповец: Порт-Апрель, 2008. – С. 41–43.
4. Шапошников, В.Н. Тенденции современной литературы в языковом аспекте [Электронный ресурс] / В.Н. Шапошников. – Режим доступа: <https://rospisatel.ru/konferenzija/shaposhnikov.htm>
5. Яковлева, Е. Дай мне целое [Электронный ресурс] / Е. Яковлева. – Мурманск, 2015. – Режим доступа: <https://premier.region35.ru/gazeta/np945/s7.html>

N.M. Melyokhina

CONTEMPLATION OF NATA SUCHKOVA'S BOOK «VILLAGE PROSE»

The author reflects on provincial literature and investigates what role Nata Suchkova's work «Village Prose» plays in modern literary process.

Modern poetry, village prose, narrator, provincialism, centralization, Nata Suchkova, Vologda.